

ТЕАТР ИЗ БРАТИСЛАВЫ

Драматический театр «Новая Сцена» (ЧССР) показал на своих первых гастролях в нашей стране три спектакля.

Неожиданной оказалась встреча с новой пьесой Освальда Заградника «Постскриптум», в которой драматург, хорошо нам известный (его «Соло для часов с боем» и «Мелодия для павлина» с успехом прошли в Москве), предстал в каком-то ином, незнакомом качестве. Нет прежней усложненности выразительных средств, смысловой многослойности, таящейся за простыми событиями. Все, что происходит с героями «Постскриптума», происходит как будто на первом и единственном плане. История талантливого и честного изобретателя Бороша и его антипода Косеца, циничного, респектабельного дельца, мечтающего примазаться к чужому творческому успеху, носит несколько назидательный, почти публицистический характер. Во всяком случае, так играет пьесу театр (режиссер О. Катуша): ничего не усложняя, не обволакивая режиссерским «туманом», склоняясь к однозначно бытовой трактовке.

Владо Мюллер создает образ Бороша на контрасте яростных выплесков негодования, не знающего границ, и несколько угрюмой сосредоточенности. Его герой — самобытная личность, решительно отвергающая выгоды по общепринятым меркам, но безнравственные предложения Косеца. Собственно говоря, именно фигура Бороша и оказывается поводом для спектакля: театр предъявляет зрителям образец социальной порядочности, показывает, какими внутренними качествами эта порядочность обусловлена. Но все же, на мой взгляд, пьеса Заградника не совсем и не так проста, как ее представил спектакль. Есть в ней будто свой затаенный секрет, некая не до конца выраженная автором художественная экстравагантность, поднимающийся над бытом ход размышлений. И не случайна присущая пьесе своеобразная скачкообразность развития, на которую то и дело натывается последовательность актерского психологического анализа. Во всяком случае, после спектакля остаются некий вопрос, ощущение зазора между взглядом театра на пьесу и авторской попыткой освоить для себя новое эстетическое пространство.

Второй спектакль (режиссер П. Опалены) «Паразит» Ф. Шиллера. В его основе никогда не шедший у нас перевод-переделка немецким драматургом комедии француза Пикара. Герой пьесы — личность неуловимо пластичная, все время находящаяся в процессе приспособления к меняющимся обстоятельствам. Причудливые изгибы его лицемерия, органическая безнравственность, уверенность в силе интриги, издевательское отношение ко всему, что хотя бы отдаленно говорит о порядочности, делают этого преуспевающего при любых министрах чиновника фигурой страшной и далеко не архаичной. Селисор (М. Лашица), как, впрочем, и другие персонажи, изображается в спектакле с солидной долей гротескового преувеличения. Его интрига разворачивается стремительно. Она опирается не только на откровенное зло, но и на человеческие слабости тех, кто пытается остановить ее движение, защитить обиженное и обманутое добро. Однако внешняя занимательность режиссерской трактовки не всегда оказывается в союзе с ее психологической глубиной.

Подлинным «гвоздем» гастролей, главным и

радостным их событием стал спектакль режиссера В. Стрниско «На всякого мудреца довольно простоты». Казалось бы, что можно открыть для нашего зрителя в пьесе Островского, известной со школьной скамьи, прошедшей через интерпретирующие усилия сотен и сотен спектаклей? И все же постановка наших гостей еще раз напоминает о том, что нет предела емкости классического произведения, нет надежно разведанного ее смыслового и эстетического дна. Смелость внешнего решения, еще более откровенно гротескового, чем в «Паразите», но психологически безупречного, постоянный пластический контрапункт, который находится в сложном соотношении с текстом (он то укрупняет действительные мысли и чувства героев, то расшифровывает их, то обнаруживает тщательно скрываемое), здесь помогает проникнуть в самое сердце пьесы, увидеть и ум, и простоту Глумова на фоне четко очерченной социальной ситуации, вывести историю его споткнувшейся вдруг карьеры из круга частных лиц как бы на простор государства. И при этом новом взгляде по-новому же раскрываются как действующие лица, так и сюжетные пружины пьесы. Ярче всего, пожалуй, это проявилось в подходе к Крутицкому (П. Дебнар), которого мы привыкли видеть уже социально отыгранной, нелепой, одряхлевшей фигурой. Здесь же перед нами — матерый, полный политических сил, затаившийся реакционер, продолжающий закулисную деятельность в каком-то своем, жаждущем реванша кругу. Крутицкий не столько смешон, сколько страшен своей твердолобостью и практической сметкой, своим опытом прожженного политика. И вовсе не Глумов использует недалекого старика, а «старик» с холодным расчетом прибирает к рукам представителя нового поколения. Он с удовольствием и удивлением, как бы смакуя, различает в Глумове черты приспособленчества, жажду преуспеть во что бы то ни стало и любой ценой, готовность ради карьеры от всего в себе отказаться. И либеральствующий Городулин (М. Лабуда), и Мамаева (И. Рапачова) — все они всматриваются в Глумова «с надеждой» на плохое в нем. Потому что именно плохое — в их интересах, оно позволяет им с большим бесстрашием ждать вступления в жизнь новой общественной генерации. «Простота» Глумова — в этом спектакле не случайный просчет с дневником, она — в наивной самоуверенности, в недооценке социальной инерции, в непонимании структуры «завоевываемого» им общества, расстановки в нем политических сил.

В финале, все вроде бы проиграв, герой обретает подлинную уверенность, так как совершает открытие: «Я вам нужен». И вот на этой-то нужности такого Глумова обществу городулиных и крутицких и строит режиссер свой чрезвычайно яркий по форме, психологически точный и социально умный спектакль, где так увлеченно, смело, стремительно играют многие актеры, и прежде всего Мариан Зедникович, передавший в Глумове отчаянную жажду и агрессивную готовность пробиться, поправ все нравственные законы, и тоску коверкающей себя души, и озлобление, и молодое обаятельное легкомыслие, и еще незрелую, но настойчивую работу холодной мысли.

Словом, первое знакомство с театром из Братиславы оказалось знакомством, которое бы хотелось продолжить.

Р. КРЕЧЕТОВА.